3 1761 07378329 2

NC
269
A38K8
1913

Purchased for the

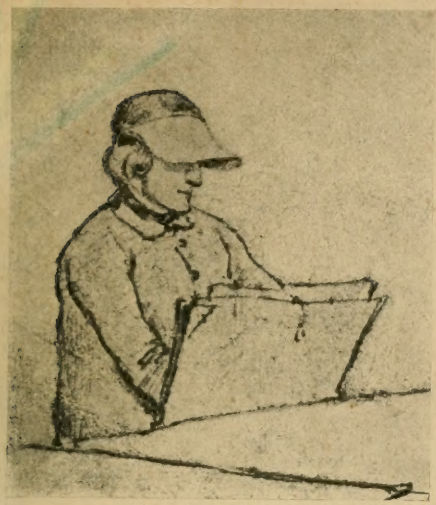
LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

~~134606~~ ~~4052~~
c



ХУДОЖНИКЪ-ИЛЛЮСТРАТОРЪ

А. А. АГИНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.

76:99[А]
А-24

СЪ 45 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ВЪ ТЕКСТѢ И НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ

БИБЛІОТЕКА
Современной литературы

Составилъ

Конст. Кузьминскій.

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Губ. Центр.
БИБЛИОТЕКИ.

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
1913.

Художникъ-иллюстраторъ

А. А. Агинъ,

его жизнь и творчество.

76:99 [А]
А-24

Библиотека гр. Верхарна

4052/с

СЪ 45 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ВЪ ТЕКСТѢ И НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Составилъ

Конст. Кузьминскій.

134606

Отдел Искусства
им. Верхарна
Моск. Губ. Центр
Библиотеки

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"
1913.

LIBRARY
FEB 12 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., д. № 5
1913.

NC
269
A38K8
1913

Отпечатано въ количествѣ 500 экземпляровъ.

Отдел Народного Образования М. С. Р. и
БИБЛИОТЕКА
имени
ВЕРХ РИА

Посвящается свѣтлой памяти отца моего.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/khudoznikilliust00kuzm

К. П. Брюлловъ въ академическомъ классѣ. Рис. А. Ф. Чернышева изъ собр. И. С. Остроухова. Агинъ сидитъ слѣва отъ Брюллова, съ козырькомъ.

Отдел Искусств
им. Луначарск
Мос. Центр.

БИБЛІОТЕКА
современной литературы

Исторія русской литературной иллюстраціи еще не обслѣдована. Мы имѣемъ по этому вопросу всего нѣсколько статей, носящихъ притомъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Первое мѣсто занимаютъ работы Буслаева*), посвященныя разбору иллюстрацій къ сочиненіямъ Державина и Крылова; интересна затѣмъ небольшая статья въ «Отеч. Записк.» за 1847 г. безвременно скончавшагося критика В. Майкова объ иллюстраціяхъ Агина къ «Мертвымъ душамъ»; наконецъ, писалъ кое-что по этому вопросу Стасовъ, не придавая, впрочемъ, этимъ статьямъ серіознаго значенія. Далѣе слѣдуютъ лишь небольшія библіографическія замѣтки о томъ или другомъ иллюстрированномъ сочиненіи, — замѣтки, почти не имѣющія никакого научнаго значенія.

Историки нашей живописи тоже весьма рѣдко касались иллюстраціи, какъ самостоятельнаго вида искусства. Иные изъ нихъ даже ставили въ упрекъ художнику, если онъ бросалъ кисть и брался за карандашъ или перо.

Словомъ, съ какой стороны ни взглянуть, наша литературная иллюстрація совсѣмъ не изучена. А между тѣмъ значеніе ея въ исторіи нашей культуры весьма велико. Произведенія нашихъ литературныхъ дѣятелей,

---

*) „Мои досуги“, часть 2-я. Москва, 1886 г.

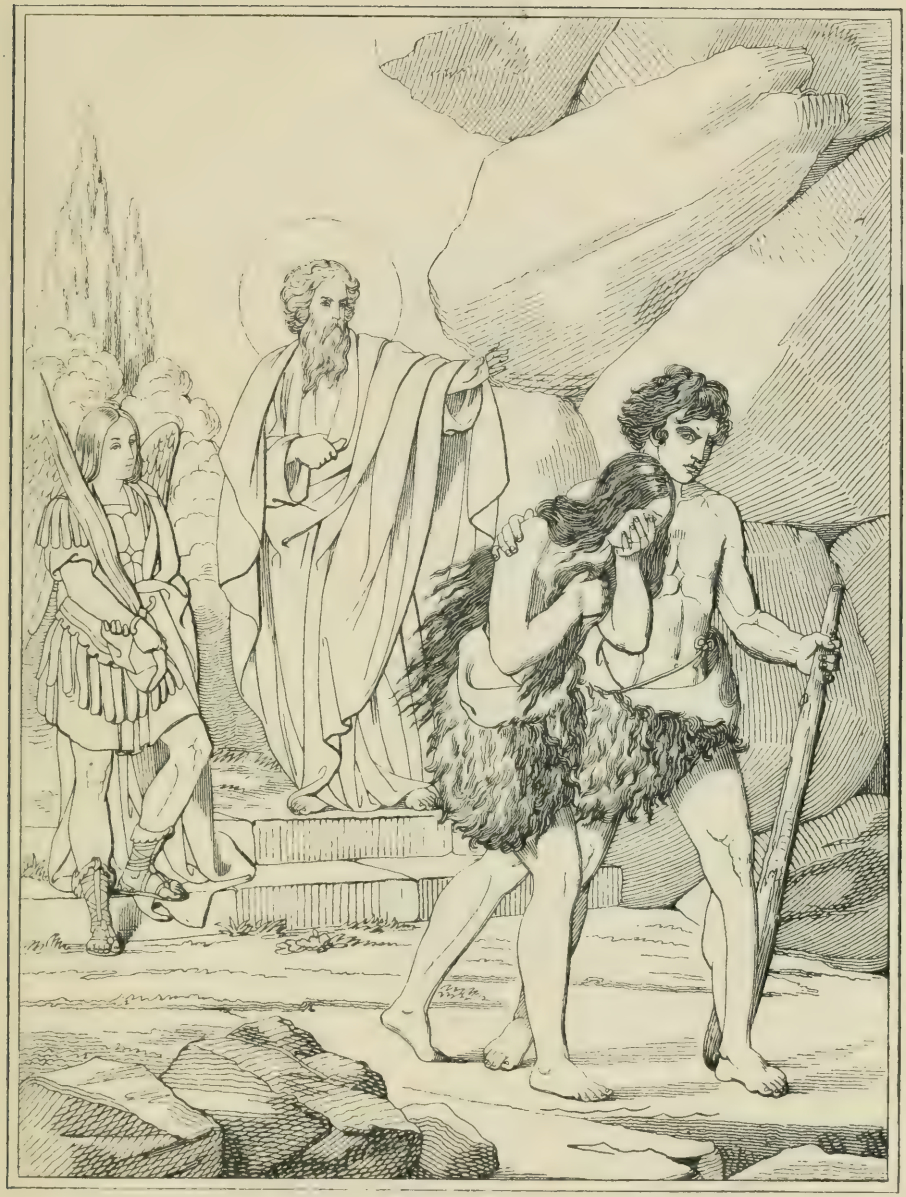
напримѣръ, 18 вѣка и сочиненія переводныя становились болѣе доступными необразованнымъ читателямъ (а ихъ было въ то время не менѣе 90%), лишь благодаря иллюстраціи, которая не только дополняла собою печатное слово, но и весьма часто давала ему соотвѣтствующее толкованіе.

Не слѣдуетъ думать, однако, что иллюстрація имѣетъ значеніе только для человѣка мало образованнаго. Можно указать не мало примѣровъ, свидѣтельствущихъ, что удачная иллюстрація производила такое сильное впечатлѣніе даже на весьма выдающихся по своимъ талантамъ людей, что они всю жизнь не могли отдѣлаться отъ того художественнаго образа, который создалъ иллюстраторъ. Вотъ что писалъ В. Г. Короленко автору настоящей работы по поводу иллюстрацій Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя *)... «Лучшихъ иллюстрацій къ Гоголю послѣ рисунковъ Боклевскаго (въ оригиналѣ) я не встрѣчалъ, а Павла Ивановича Чичикова я уже иначе и не представляю, какъ въ образѣ, данномъ Боклевскимъ».

Впрочемъ, къ чему приводить документальныя свидѣтельства, когда каждый изъ насъ на себѣ испыталъ всю силу хорошей иллюстраціи. Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь поняты и оцѣнены нами (дурно ли, хорошо ли—это другой вопросъ) не только благодаря толкованію Бѣлинскаго, Гончарова, Добролюбова или Чернышевскаго, но и благодаря иллюстраціямъ Иванова, Галактіонова, Башилова, Агина, Боклевскаго и другихъ художниковъ.

Итакъ, пора уже восполнить тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ исторіи нашей культуры, и обратить вниманіе на иллюстрацію. Наше общество, несомнѣнно,

*) „Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество". Москва, 1910 г., стр. 52.



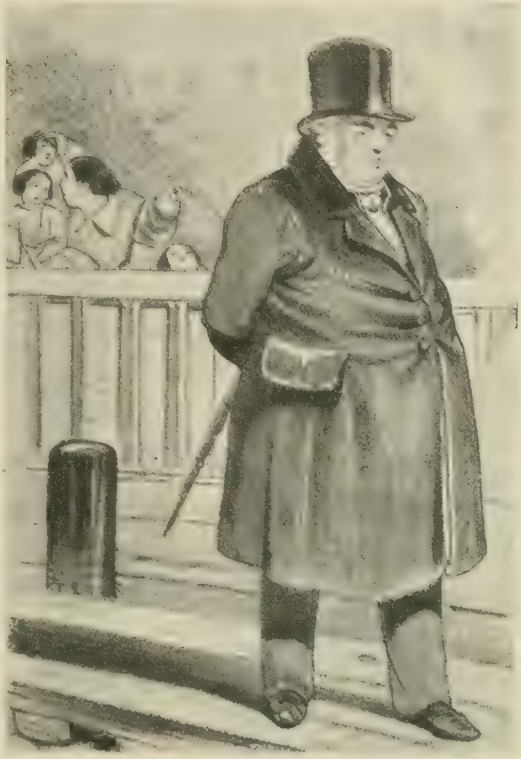
Изъ „Ветхаго Завѣта въ картинахъ“.

Изгнаніе прародителей изъ рая.

Отдел Искусства
им. [illegible]ЧАРНА
Моск. [illegible]

ею очень интересуется. Тотъ необыкновенно радушный пріемъ, которымъ была встрѣчена книга о художникѣ-иллюстраторѣ Боклевскомъ автора настоящей работы, свидѣтельствуетъ, что оно нуждается въ томъ, чтобы ему повѣдали о творцахъ иллюстрацій къ тому или иному классику и разсказали исторію развитія этого рода живописи.

Но эту исторію писать еще рано, — слишкомъ мало сдѣлано подготовительныхъ работъ. Прежде нужно собрать біографическія данныя о главнѣйшихъ иллюстраторахъ, дать о нихъ хотя бы фактическія свѣдѣнія, а потомъ уже перейти къ обобщеніямъ.



Изъ дѣтской книжки „Дѣдушка Крыловъ".
Крыловъ на прогулкѣ.

На этотъ разъ мы дадимъ свѣдѣнія о совершенно забытомъ рисовальщикѣ А. А. Агинѣ, имя котораго не менѣе связано съ Гоголемъ, чѣмъ имя другого иллюстратора Боклевскаго. Есть даже люди, твердо стоящіе на томъ, что рисунки къ «Мертвымъ душамъ» Агина гораздо выше рисунковъ Боклевскаго. Это тоже налагало на автора книги о послѣднемъ художникѣ собрать и систематизировать матеріалъ объ Агинѣ.

I.

Біографическія свѣдѣнія объ Агинѣ, какъ и о многихъ русскихъ художникахъ первой половины 19-го вѣка, чрезвычайно скудны. Наиболѣе полно они собраны покойнымъ Н. П. Собко въ его «Словарѣ русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, рисовальщиковъ»... Однако, эти свѣдѣнія не отличаются достовѣрностью, несмотря на то, что они взяты, большей частью, изъ первоисточниковъ. Вновь отысканные матеріалы и тщательно провѣренные старые рисуютъ жизнь Агина слѣдующимъ образомъ.

Александръ Алексѣевичъ Агинъ родился въ 1816 году въ одной изъ деревень Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи, и былъ побочнымъ сыномъ офицера Кавалергардскаго полка Алексѣя Петровича Елагина, который, по обычаю баръ того времени, далъ ему часть своей фамиліи и отчество. Кто была мать Агина, установить сейчасъ нельзя, такъ какъ никакихъ документальныхъ данныхъ объ этомъ не осталось. Елагинъ не бросилъ, подобно тысячамъ другихъ помѣщиковъ, на произволъ судьбы своего сына, но позаботился объ его образованіи. Повидимому, мальчикъ началъ рано проявлять склонность къ живописи и успѣлъ пріобрѣсти основательныя познанія еще до поступленія въ школу, такъ какъ, зачислившись въ Императорскую Академію Художествъ въ 1834 году, онъ уже въ 1836 году, по окончаніи общерисовальнаго курса, выставилъ на академической выставкѣ «Этюдъ съ Аполлона» и былъ немедленно зачисленъ въ классъ исторической и портретной живописи къ проф. К. П. Брюллову. Къ этому времени и относится карандашный рисунокъ, изображающій зна-

Изъ „Ветхаго Завѣта въ картинахъ“.

Жертвоприношеніе Авраамово.

Отдел Искусства
ГНА

менитаго художника съ его учениками, среди которыхъ изображенъ и Агинъ. Кстати сказать, это единственный извѣстный намъ портретъ этого художника.

Въ то же время Агинъ былъ принятъ въ пенсіонеры Общества Поощренія Художниковъ, которое сдѣлало такъ много для развитія художественнаго образованія въ Россіи. Курсъ ученія въ Академіи Агинъ закончилъ 5 августа 1839 г. и получилъ званіе учителя рисованія въ гимназіяхъ. Неизвѣстно, воспользовался ли онъ своимъ правомъ и сталъ преподавать рисованіе въ какомъ либо учебномъ заведеніи. Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, такъ какъ уже вскорѣ по окончаніи курса онъ принимается за цѣлый рядъ художественныхъ работъ, весьма сложныхъ и требующихъ большой вдумчивости и изученія матеріаловъ. Раньше другихъ, именно въ серединѣ 1845 года, вышли въ свѣтъ литографированные рисунки къ дѣтской книжкѣ «Дѣдушка Крыловъ» (6 рисунковъ, считая портретъ и заглавный листъ). Кажется, что въ томъ же году онъ далъ нѣсколько рисунковъ въ «Физіологію Петербурга,

Изъ дѣтской книжки „Дѣдушка Крыловъ".
Крыловъ на костюмированномъ вечерѣ.

составленную изъ трудовъ русскихъ литераторовъ» подъ редакціей Н. Некрасова. Въ началѣ 1846 года О. Пряничниковымъ и А. Сапожниковымъ былъ изданъ новый и притомъ большой трудъ Агина «Ветхій Завѣтъ въ картинахъ» (83 рисунка in quarto, считая и заглавный листъ). Въ концѣ того же года вышелъ первый выпускъ рисунковъ Агина къ «Мертвымъ душамъ» и затѣмъ еженедѣльно (до перерыва изданія) — выходилъ новый выпускъ, содержащій 4 рисунка. Въ 1848 году онъ продолжалъ работать въ «Иллюстраціи» и принялъ участіе въ «Иллюстрированномъ альманахѣ», издаваемомъ Панаевымъ и Некрасовымъ, давъ три рисунка къ «Исторіи капитана Копѣйкина» и нѣсколько иллюстрацій къ повѣсти Гребенки «Заборовъ». Съ слѣдующаго года онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ качествѣ иллюстратора въ журналѣ «Иллюстрація», издаваемомъ Крыловымъ и Башуцкимъ, и помѣстилъ здѣсь цѣлый рядъ рисунковъ. Между дѣломъ, въ теченіе того же года, онъ помѣстилъ нѣсколько иллюстрацій въ «Комическомъ альманахѣ» Некрасова — «Первое апрѣля». Однако, уже въ 1849 году онъ работаетъ не такъ энергично, а затѣмъ внезапно почти совсѣмъ прекращаетъ художественную дѣятельность *). Его имя, какъ художника, опять встрѣчается лишь подъ довольно плохимъ рисункомъ въ «Альбомѣ патріотическихъ стихотвореній», изданномъ М. Владимировымъ въ 1854 году, да подъ двумя рисунками въ «Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ», изданномъ въ 1858 году. Почти всѣ эти рисунки, а также помѣщенный въ альбомѣ Владимирова, являются простыми

---

*) Агинъ писалъ также и портреты. Извѣстенъ его работы литографированный портретъ г-жи Майеръ. См. „Опис. нѣскольк. гравюръ и литографій“, Е. Н. Тевяшова, Спб., 1903 г., стр. 2-я. Ему же приписывается одна гравюра, изображающая римскую матрону. См. „Подр. слов. гравир. портр.“, Ровинскаго, т. 1, стр. 4-я.

1316

Изъ „Ветхаго Завѣта въ картинахъ".

Ниспосланіе манны.

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ДЕЛ МОНАСТИ

копіями рисунковъ, которые раньше появлялись въ «Иллюстраціи». Такимъ образомъ, художественная дѣятельность Агина продолжалась не болѣе пяти-шести лѣтъ.

Въ настоящее время нѣтъ возможности установить причины, почему Агинъ такъ круто прекратилъ свою художественную дѣятельность. Возможно, что недостаточный заработокъ (вспомнимъ, какъ бѣдствовалъ современникъ Агина Федотовъ) побуждалъ его искать средствъ къ жизни на другомъ поприщѣ, но можно предположить, что были еще какія-то причины, не матеріальнаго характера, ибо однимъ этимъ нельзя объяснить его поступленіе въ морскіе охотники. Но новая дѣятельность не увлекла Агина, и 16 августа 1853 г., какъ гласитъ послужной списокъ, онъ подалъ прошеніе и былъ принятъ на испытаніе въ должность учителя 3-го рода по предмету рисованія въ Неранжированный Владимирскій Кіевскій кадетскій корпусъ. Учителемъ «3-го рода» онъ былъ утвержденъ лишь 9 марта 1859 года, 12 іюня 1864 года Высочайшимъ приказомъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника уволенъ согласно прошенію по болѣзни въ отставку.

Изъ дѣтской книжки „Дѣдушка Крыловъ“.
Крыловъ у себя дома.

Точный годъ смерти Агина не извѣстенъ: одни говорятъ, что онъ умеръ холостякомъ въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, другіе, что въ 1870 году. Однако, нѣтъ никакихъ основаній для установленія той или иной даты, такъ какъ, по словамъ одного изъ учениковъ художника, покойный послѣдніе годы своей жизни провелъ въ крайней бѣдности, страдая порокомъ, который свелъ въ могилу не одного талантливаго русскаго человѣка. Врядъ ли смерть такого бѣдняка, забытаго всѣми, была отмѣчена печатью или хотя бы мѣстными властями въ ихъ оффиціальныхъ документахъ.

Такъ кратка и несложна біографія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ иллюстраторовъ. Промелькнулъ онъ, какъ метеоръ, блеснулъ всей силой своего таланта и потонулъ въ рѣкѣ забвенія, какъ тонули сотни, тысячи еще болѣе геніальныхъ русскихъ людей. Забытъ Агинъ, какъ человѣкъ, имя его затерялось въ спискахъ, похороненныхъ на одномъ изъ Кіевскихъ кладбищъ, но Агина-иллюстратора, Агина-толкователя Гоголя русское общество не можетъ, не должно забыть. Дѣло, имъ сдѣланное, не нашло надлежащей оцѣнки у современниковъ, и это тоже возлагаетъ обязанность на русское общество воздать должное такъ несправедливо забытому человѣку.

II.

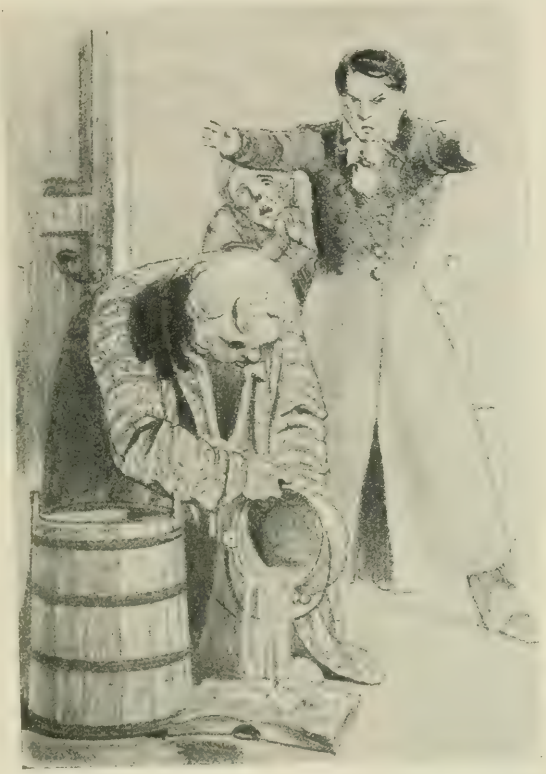
Сороковые годы — время художественной дѣятельности Агина — отмѣчены въ русской жизни появленіемъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. Это былъ золотой вѣкъ русской литературы. Никогда раньше не играла она такой важной роли въ русской

„Изъ Ветхаго Завѣта въ картинахъ“.

Торжество Мардохея.

Отдел искусств
им. Н. Н. Пунина
Гос. Русского
музея
Библиотека

жизни, какъ въ это время, несмотря на неблагопріятныя условія своего развитія. Казалось, что русская интеллигенція, лишенная возможности проявлять дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, силой обстоятельствъ, какой-то невидимой рукой, направляется въ сферу чистаго искусства. Но тщетны были всѣ старанія заставить русскаго человѣка забыть, что онъ *ζῶον πολιτικὸν*— существо съ общественными инстинктами. Это стремленіе къ общественной жизни онъ сталъ проявлять именно въ области искусства. Русская литература и русская живопись стали мало-по-малу выходить изъ сферы чисто эстетической и пріобрѣли значеніе одного изъ общественныхъ факторовъ. Такую роль начала играть сначала литература, а уже потомъ живопись. Наиболѣе яркими представителями такого направленія въ живописи были впослѣдствіи передвижники, дѣятельность которыхъ особенно ярко проявилась въ 60 и 70 годы. Но начальный періодъ этого направленія относится къ сороковымъ годамъ, и Агинъ былъ однимъ изъ первыхъ художниковъ.



Изъ дѣтской книжки „Дѣдушка Крыловъ".

Крыловъ выводитъ пятно въ книгѣ.

сознательно ставшихъ на этотъ путь. Такое направленіе русская живопись приняла благодаря вліянію литературы. И первыми художественными произведеніями такого рода были иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ съ общественнымъ направленіемъ. Наиболѣе ярко общественное значеніе литературы того времени проявилось въ произведеніяхъ Гоголя. Одно изъ этихъ произведеній— «Мертвыя души»—сдѣлало цѣлый переворотъ въ сознаніи читателей, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ художникъ.

На дѣятельности Агина сильно сказалось вліяніе Гоголя. Начавъ съ безобидныхъ иллюстрацій къ дѣтской книжкѣ и рисунковъ къ «Ветхому Завѣту» онъ подъ вліяніемъ «Мертвыхъ душъ», совсѣмъ переродился, иначе сталъ представлять себѣ задачи живописи и рѣшился при помощи кисти и карандаша выразить то, что сказалъ Гоголь въ своемъ великомъ произведеніи. Что онъ сдѣлалъ это хорошо, объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы выдающихся его современниковъ и то необыкновенное распространеніе, которое получили эти иллюстраціи къ «Мертвымъ душамъ» въ наше время.

Агинъ представляетъ интересъ для исторіи именно какъ толкователь этого великаго произведенія русской литературы. Имя его будетъ всегда стоять на ряду съ другими толкователями Гоголя—Бѣлинскимъ, Чернышевскимъ и др. Это ли не важное обстоятельство, говорящее въ пользу того, чтобы художественная дѣятельность Агина была изучена съ должнымъ вниманіемъ?

III.

Первый опытъ публичнаго выступленія съ своими художественными работами Агинъ сдѣлалъ въ 1845 году, помѣстивъ въ «Книгѣ для подарка дѣтямъ» подъ загла-

Изъ „Ветхаго Завѣта въ картинахъ“.

Смерть Олоферна.

віемъ «Дѣдушка Крыловъ» портретъ знаменитаго баснописца, заглавный листъ, украшенный бюстомъ его и сценкой изъ его басни «Гребень», и, наконецъ, четыре рисунка, «изображающіе сцены изъ жизни» писателя. Всѣ рисунки литографированы въ «французской литографіи Поля Пети» и представляютъ собою попытку Агина выпускать свои работы въ видѣ литографіи. Почти всѣ его остальные, дошедшіе до насъ, рисунки были гравированы, но не имъ самимъ, а тѣмъ или инымъ спеціалистомъ этого дѣла.

Изъ „Физіологіи Петербурга“, часть 2-я, стр. 85-я.

Книга, въ которой появились первые рисунки Агина, какъ и большая часть дѣтскихъ книгъ начала и середины 19-го вѣка, въ настоящее время чрезвычайно рѣдка. Въ виду этого мы приводимъ здѣсь четыре рисунка, изображающіе сцены изъ жизни Крылова. Они не представляютъ ничего особеннаго съ художественной стороны, но показываютъ, что Агинъ уже тогда умѣлъ схватывать

выраженіе лица, придать жизненность движеніямъ, удачно выбрать позу. Несомнѣнно, что художникъ смотрѣлъ несеріозно на этотъ трудъ иллюстрированія дѣтской книги, и это тоже можетъ служить объясненіемъ, почему эти рисунки такъ сильно разнятся отъ работъ, появившихся уже въ слѣдующемъ году.

Впрочемъ, въ томъ же 1845 году Агинъ принялъ участіе въ иллюстрированіи «Физіологіи Петербурга составленной изъ трудовъ русскихъ литераторовъ», подъ редакціей Некрасова. Въ этой имѣвшей большой успѣхъ книгѣ нашъ художникъ далъ цѣлый рядъ прекрасныхъ рисунковъ къ довольно слабому произведенію Панаева «Петербургскій фельетонистъ». Всѣ эти рисунки снабжены монограммой, составленной изъ три раза повторенной буквы А, являющейся иниціаломъ его имени, отчества и фамиліи. Всѣхъ рисунковъ семь, и всѣ они выполнены чрезвычайно живо и художественно, — это шедевръ произведеній подобнаго рода. Ниже мы приводимъ три изъ нихъ.

Въ той же книгѣ есть еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ иллюстрацій безъ упомянутой монограммы. Кто является авторомъ ихъ, сказать трудно, такъ какъ въ концѣ книги сказано только, что ее иллюстрировалъ Ковригинъ и другіе. Кто видѣлъ иллюстраціи художника Ковригина, тотъ не припишетъ ему три рисунка къ стихотворенію Некрасова «Чиновникъ», помѣщенному въ самомъ началѣ «Физіологіи». Съ другой стороны, эти рисунки такъ напоминаютъ манеру Агина, что невольно напрашивается мысль, не ему ли они принадлежатъ. Помѣщенный выше рисунокъ (стр. 27-я) иллюстрируетъ слѣдующее мѣсто изъ этого стихотворенія:

„Въ наши дни, читатель мой любезный,
Лишь гдѣ нибудь въ коснѣющей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вмѣстилище души“...

Изъ „Ветхаго Завѣта въ картинахъ“.

Смиреніе Александра Македонскаго.

Отдел Искусства
им. М. Горького
Инв. 1-6. Цен.
Библиотеки.

Въ теченіе того же года Агинъ выполнилъ для другого альманаха*) Некрасова—«Первое апрѣля»—нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ только одинъ помѣченъ упомянутой монограммой, составленной изъ трехъ А. Большая часть этихъ рисунковъ носитъ несомнѣнно слѣды творчества Агина. На нихъ ясно сказалась эта легкость и бойкость карандаша Агина, смѣлость замысла и не обыкновенно художественное выполненіе—черты, во всей совокупности, свойственныя въ то время только нашему художнику.

Изъ „Физіологіи Петербурга", часть 2-я, стр. 239-я.
Школьные годы фельетониста.

IV.

1846 годъ былъ самымъ продуктивнымъ въ теченіе всей художественной дѣятельности Агина. Въ этомъ году вышелъ иллюстрированный имъ «Ветхій Завѣтъ», въ томъ же году начали выходить и его иллюстраціи къ «Мертвымъ душамъ».

«Ветхій Завѣтъ» Агина представляетъ огромный интересъ для исторіи иллюстрированія въ Россіи священнаго писанія, и въ ней, конечно, будетъ отведена

*) Онъ вышелъ въ самомъ началѣ 1846 года.

почетная страница этому художнику. Хотя въ данномъ случаѣ насъ больше всего интересуютъ литературныя иллюстраціи Агина, но было бы большой несправедливостью, если бы мы ограничились только простымъ указаніемъ на существованіе его «Ветхаго Завѣта» и не сказали бы объ этой книгѣ подробнѣе. Это слѣдуетъ сдѣлать еще и потому, что именно эти иллюстраціи составили первоначальную славу нашего художника.

Исторія появленія въ свѣтъ «Ветхаго Завѣта» Агина вкратцѣ такова. Знаменитое въ исторіи развитія художественнаго образованія въ Россіи «Общество Поощренія Художниковъ» имѣло въ числѣ своихъ пенсіонеровъ и Агина. Желая «занять русскихъ художниковъ трудомъ, полезнымъ для изящныхъ искусствъ и для воспитанія юношества», два члена этого общества, Ѳ. Прянишниковъ и А. Сапожниковъ, задумали издать «Ветхій Завѣтъ» въ иллюстраціяхъ и поручили выполнить этотъ трудъ Агину. Еще за годъ до выхода въ свѣтъ этой книги въ годичномъ отчетѣ о дѣятельности общества дается слѣдующая характеристика этихъ рисунковъ: «они могутъ выдержать строгую критику во всѣхъ отношеніяхъ, ибо отличаются обдуманною композиціею, вѣрностью рисунка и выразительностью фигуръ». Въ слѣдующемъ году, т.-е. когда уже вышелъ «Ветхій Завѣтъ» въ отчетѣ того же общества говорится: «сочиненіе восьмидесяти двухъ библейскихъ сюжетовъ обнаруживаетъ самобытность и зрѣлость мощнаго таланта... Агинъ умѣлъ дать этимъ очеркамъ столько выразительности, оригинальности и занимательности, что, не взирая на назначеніе этого изданія преимущественно для юношества, оно должно обратить на себя вниманіе всѣхъ возрастовъ... Агинъ доказалъ, что онъ художникъ мыслящій, съ любовью преданный своему искусству, что онъ владѣетъ техникою его, не

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

— *Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь, пожалуйста, проходите.*

„*Нѣтъ ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.*

— *Почему жъ образованному?.... пожалуйста, проходите.*

„*Ну да ужъ извольте проходить вы.*

— *Да отчего жъ?*

„*Ну да ужъ оттого!*

Отдел Искусств
им. Пушкина

боится труда огромнаго, многолѣтняго, требующаго постоянныхъ усилій, обширной начитанности и утомительныхъ умственныхъ соображеній». Въ предисловіи къ самой книгѣ говорится, кромѣ того, что «ясность изложенія предмета, достоинство сочиненія, общность каждой картины, расположеніе группъ, выраженіе фигуръ, мѣстность, одежды, правильность рисунка и строгій стиль, выдержанный въ этихъ священныхъ изображеніяхъ, показываютъ въ г-нѣ Агинѣ художника, мыслящаго и свободно владѣющаго перомъ».

Изъ „Физіологіи Петербурга", Часть 2-я, стр. 265-я.
Фельетонистъ за работой.

Не малую похвалу воздала Агину за его трудъ и Академія Художествъ, заявивъ, что его рисунки «сдѣлали бы честь всякому художнику». Отзывы печати тоже были весьма лестны для молодого художника. Въ «Иллюстраціи» *), напримѣръ, писали, что «рисунки событій Ветхаго Завѣта, исполненные Агинымъ свидѣтельствуютъ о его способности къ композиціи, о большомъ воображеніи, очищенномъ вкусѣ и начитанности». За этотъ же трудъ

*) 1847 г., т. IV, № 13, стр. 203.

ему былъ пожалованъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ драгоцѣнный бриллiантовый перстень *).

Конечно, съ современной намъ точки зрѣнiя на живопись и на трактовку его религiозныхъ сюжетовъ, рисунки изъ «Ветхаго Завѣта» Агина страдаютъ существенными недостатками,—плохимъ знанiемъ археологiи, исторiи одежды и географiи библейскихъ странъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что они дѣйствительно отличаются многими прекрасными качествами. И очень жаль, что «Ветхiй Завѣтъ» Агина забытъ и ни разу не былъ переизданъ facsimile, несмотря на то, что почти всѣ послѣдующiе иллюстраторы учебниковъ «Закона Божiя» пользовались имъ, въ большей или меньшей степени, какъ оригиналомъ для подражанiя **). Главное достоинство этихъ картинъ—это необыкновенное изящество рисунка, простота и ясность замысла и чрезвычайно понятная трактовка сюжета. Агинъ, дѣйствительно, вдумался въ свою работу и вложилъ въ нее свою душу. Свой огромный талантъ рисовальщика онъ проявилъ здѣсь, какъ никогда раньше. Мало того, мы не можемъ назвать никого изъ нашихъ художниковъ, до него работавшихъ, кто бы могъ сравняться въ отношенiи рисунка съ Агинымъ. И мы должны признать, что «Общество Поощренiя Художниковъ» не переоцѣнило Агина, признавъ за нимъ *самобытность и зрѣлость мощнаго таланта*.

Нѣкоторые недостатки этихъ рисунковъ Агина можно объяснить тѣмъ, что они были гравированы

---

*) Тамъ же.

**) Наиболѣе полно и близко къ подлиннику „Ветхiй Завѣтъ" Агина былъ переизданъ Сапожниковымъ въ 1861 г. подъ заглавiемъ „Пятьдесятъ четыре картины изъ священной исторiи Ветхаго Завѣта". Эти рисунки были исполнены по гравюрамъ Аѳанасьева другимъ граверомъ, при чемъ тѣни были значительно усилены по сравненiю съ первымъ изданiемъ. Книга была заказана Департаментомъ Удѣловъ и разослана во всѣ училища удѣльнаго вѣдомства.

К. Аѳанасьевымъ, который, по мнѣнію такого глубокаго знатока, какъ Ровинскій, былъ «второстепеннымъ мастеромъ, имѣвшимъ красивый, но черствый рѣзецъ».

V.

Однако, какъ ни велики были похвалы по поводу иллюстрацій къ «Ветхому Завѣту», но настоящую славу и неувядаемую память въ потомствѣ Агинъ снискалъ не за этотъ трудъ, а за свои рисунки къ «Мертвымъ душамъ». Подобно «Гоголевскимъ типамъ», увѣковѣченнымъ другимъ художникомъ, П. М. Боклевскимъ, знаменитые агинскіе «Сто рисунковъ изъ сочиненія Н. В. Гоголя «Мертвыя души» выдержали множество изданій и не одному поколѣнію русской интеллигенціи дали возможность болѣе конкретно представить себѣ Русь эпохи Павла Ивановича Чичикова,— Русь, которая уже вскорѣ благодаря «Великимъ реформамъ» стала быстро исчезать и отходить въ область преданія.

Изъ „Физіологіи Петербурга", стр. 275-я. „*Отставной фельетонистъ*".

Исторія этихъ рисунковъ весьма интересна и мало извѣстна. Она изложена Н. С. Лѣсковымъ*), но не полно и не вполнѣ вѣрно, такъ какъ нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ онъ не зналъ, а другіе передалъ не вполнѣ точно. Извѣстно, что 1-ый томъ «Мертвыхъ душъ» вышелъ въ 1842 году. По свидѣтельству многихъ выдающихся современниковъ Гоголя, эта поэма произвела огромное впечатлѣніе на русское общество. Кн. Вяземскій, Плетневъ, Бѣлинскій печатно указывали на общественное значеніе «Мертвыхъ душъ», какъ только вышло въ свѣтъ это великое произведеніе. «Глубокое сочувствіе, пробужденное «Мертвыми душами» къ изученію современной жизни, вызвало всѣхъ и каждаго на простую и разумную дѣятельность. Всѣ стали подрываться и подкапываться подъ свою дотолѣ дремотную и лѣнивую жизнь... Всѣ были натолкнуты Гоголемъ на дѣятельность, всѣ ухватились за отрицаніе и въ дѣятельности своей пребыли вѣрные этому воззрѣнію». Такъ писалъ вскорѣ по выходѣ «Мертвыхъ душъ» Валеріанъ Майковъ, молодой, но уже тогда извѣстный критикъ.

Поддался общему настроенію и молодой художникъ Агинъ, который, по словамъ того же Майкова, принадлежалъ къ группѣ людей не только отрицающихъ, но и стремящихся «къ созданію чего нибудь такого, что могло бы упрочить и обобщить въ публикѣ впечатлѣніе, произведенное «Мертвыми душами». Въ результатѣ такого стремленія и появился «опытъ бойкимъ карандашемъ начертать рядъ разнообразнѣйшихъ сценъ изъ похожденій Павла Ивановича и ознакомить публику посредствомъ этихъ рисунковъ съ разными явленіями дѣйствительной жизни».

---

*) „Нива“, № 8, 1892 г.

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ".

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!

„Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!"

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!

„Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!"

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!

Отдел искусств
им. Ветлярна
Моск.
библиотеки

Агинъ приступилъ къ выполненію своихъ рисунковъ къ «Мертвымъ душамъ» вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этого произведенія. Не замедлилъ найтись и издатель этихъ рисунковъ,—нѣкто Бернардскій, довольно извѣстный граверъ. Въ началѣ 1846 года при посредствѣ Плетнева онъ обратился къ Гоголю, жившему тогда въ Римѣ, съ просьбой уступить право на второе изданіе «Мертвыхъ душъ» съ тѣмъ, чтобы оно было выпущено съ иллюстраціями Агина. 20 марта того же года Гоголь отвѣтилъ Плетневу слѣдующимъ письмомъ:*) «Художнику Бернардскому объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу, покамѣстъ, входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во-первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда оно выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться; во-вторыхъ, потому, что по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая нибудь путаница, или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать этимъ кондитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только

Изъ „Иллюстриров. Альманаха“, стр. 110-я.

*) Письма Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. 3, стр. 157.

въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣвшимъ полную извѣстность, вылощеннымъ, конченнымъ и не наполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое»...

Однако такой неблагопріятный отвѣтъ не остановилъ Бернардскаго, и онъ началъ издавать одни рисунки безъ текста, отдѣльными выпусками, по четыре рисунка въ каждомъ. Въ изданіи принялъ участіе архангельскій почетный гражданинъ Д. М. Горяиновъ, который давалъ средства. Несмотря на общее увлеченіе «Мертвыми душами», подписались на изданіе немногіе. Правда, въ числѣ подписчиковъ были многія лица царской семьи, министры и представители аристократіи (имена ихъ были опубликованы при одномъ изъ выпусковъ), но средняя интеллигенція почему-то не откликнулась.

Вскорѣ между Бернардскимъ и Горяиновымъ возникли недоразумѣнія, и изданіе должно было пріостановиться послѣ выхода 18 выпусковъ (72 рисунковъ). Чтобы закончить изданіе, Бернардскій обратился въ 1848 году въ Академію Художествъ съ такой просьбой: «Предпринявъ изданіе 100 гравюръ на деревѣ изъ сочиненія Гоголя, подъ заглавіемъ «Мертвыя души», я выпустилъ въ свѣтъ 72 таковыхъ рисунка и, имѣя еще нѣсколько (28) для того готовыхъ рисунковъ, желалъ бы продолжить и окончить изданіе, дабы оправдать тѣмъ довѣріе къ себѣ Высочайшихъ особъ и публики, но по малому числу подписчиковъ и по недостаточному числу подписной суммы и по недостаточному состоянію лишенъ совершенно средствъ даже на покрытіе издержекъ на печатаніе приготовленныхъ рисунковъ и покупку бумаги, на что потребуется 600 руб. А потому

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.
— *Это моя Ѳеодулія Ивановна!*

Отдел искусства
им. Луначарского
Моск. Гос. Ин-та
Библиотека

проситъ Его Императорское Высочество Президента Академіи оказать ему, Бернардскому, милостивое пособіе, буде можно, изъ суммы «на ободреніе художниковъ», имѣющейся въ Академіи, выдачею 600 руб. серебромъ единовременно». Деньги изъ означеннаго источника были выданы, однако изданіе все-таки не было закончено, — болѣе 72 рис. не выходило. Остальные 28 рисунковъ увидѣли свѣтъ лишь много лѣтъ спустя, именно въ 1892 году.

Изъ „Литературнаго Сборника", стр. 145-я.

Нѣкто Д. Д. Федоровъ въ этомъ году случайно пріобрѣлъ у наслѣдниковъ выше упомянутаго Горяинова гравюрныя доски всѣхъ рисунковъ и издалъ ихъ отдѣльнымъ альбомомъ подъ заглавіемъ «Сто рисунковъ къ поэмѣ Гоголя „Мертвыя души"». Въ теченіе того же года этотъ альбомъ былъ пополненъ еще тремя рисунками къ «Исторіи капитана

Копейкина» и снимкомъ съ заглавнаго листа 1-го выпуска изданія Бернардскаго.

Исторія этихъ трехъ рисунковъ представляетъ значительный интересъ не только для библіографа Въ 1848 году Панаевымъ и Некрасовымъ предпринято было изданіе «Иллюстрированнаго Альманаха», въ которомъ Агинъ помѣстилъ упомянутые три рисунка къ «Исторіи капитана Копейкина», а также нѣсколько иллюстрацій къ повѣсти Гребенки «Заборовъ». Среди прочаго литературнаго матеріала помѣщена была повѣсть Панаевой (Станицкаго) «Семейство Тальниковыхъ», которая была запрещена цензурой, вслѣдствіе чего альманахъ не могъ выйти въ свѣтъ и былъ отправленъ издателями на чердакъ «до лучшихъ дней». Черезъ годъ Панаевъ и Некрасовъ,—желая удовлетворить подписчиковъ «Современника», которымъ былъ обѣщанъ «Альманахъ» и которые, не зная о причинахъ невыхода его, роптали на издателей,—рѣшили издать «Литературный сборникъ» съ тѣми же рисунками Агина. Однако, оказалось, что кто-то уничтожилъ два изъ нихъ, а потому къ сборнику былъ приложенъ только одинъ рисунокъ, изображающій капитана Копейкина на пріемѣ у начальника. Остальные два рисунка были въ теченіе многихъ лѣтъ не извѣстны, и лишь когда въ 1892 году Федоровъ выпустилъ свой альбомъ, то извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ указалъ ему, что въ его собраніи имѣются упомянутые не изданные рисунки къ «Мертвымъ душамъ» и предложилъ дополнить ими этотъ альбомъ. Федоровъ воспользовался предложеніемъ, воспроизвелъ рисунки вмѣстѣ съ заглавнымъ листомъ, цинкографическимъ путемъ, и вклеилъ ихъ въ изданную книгу. Такимъ образомъ получился новый альбомъ, который и вышелъ подъ заглавіемъ: «Сто четыре русунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя «Мертвыя души»,

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

— *Что-жъ баринъ? у себя, что ли?*

„Здѣсь хозяинъ“.

— *Гдѣ же?*

„Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? Эхва! А вить хозяинъ-то я“.

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Гос. Ц.
БИБЛИОТЕКА

Онъ неоднократно переиздавался различными книгопродавцами,—по нынѣшній годъ вышло не менѣе 10-ти изданій.

Такова исторія иллюстрацій Агина къ «Мертвымъ душамъ».

VI.

Какое же значеніе имѣли эти иллюстраціи въ исторіи нашей культуры? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ во-

Изъ Комическаго Иллюстр. Альманаха. „Первое апрѣля", стр. 104-я.
— *Что это вы... въ такую пору... въ такомъ видѣ... танцуете?*
— *Танцую,— могъ только проговорить дрожащимъ голосомъ Петръ Иванычъ.*

просъ, умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о роли литературной иллюстраціи вообще, о томъ мѣстѣ, которое она занимаетъ въ области искусства и, наконецъ, объ отношеніи ея къ литературѣ.

Академикъ Буслаевъ въ своей замѣчательной статьѣ «Иллюстраціи стихотвореній Державина» *) говоритъ:

*) «Мои досуги», т. 2-й, стр. 70-ая.

«Иллюстрація, то-есть, объясненіе текста очертаніями въ формахъ ваянія и живописи, есть существенное и прямое назначеніе этихъ обоихъ искусствъ въ ихъ отношеніи къ словесности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, начиная съ первобытной эпохи происхожденія искусства въ связи съ религіей до позднѣйшаго періода античной римской живописи, на стѣнахъ Помпеи и Геркуланума, иллюминовавшей изнѣженную фантазію Овидія, отъ инографіи катакомбъ до средневѣковыхъ рукописей съ миніатюрами и до скульптурныхъ украшеній готическихъ порталовъ отъ инкунабулъ и народныхъ лубочныхъ картинъ до новѣйшихъ изданій съ политипажами Гаварни и Дорэ». Цѣлымъ рядомъ примѣровъ знаменитый ученый блестяще доказываетъ свою мысль. Однако Буслаевъ прекрасно понималъ, что «никакая живопись не можетъ соперничать съ поэтическою фантазіей, которая сильнѣе возбуждаетъ воображеніе читателя къ представленію того, что она говоритъ ему въ стихахъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ближе къ нашей эпохѣ, тѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе становится живопись. Кромѣ того и литература все больше и больше принимаетъ отвлеченный характеръ. Она уже стала затрогивать такіе вопросы, касаться такихъ темъ, что конкретизированіе ихъ при помощи живописи становится возможнымъ все рѣже и рѣже.

Зачѣмъ же, однако, нужна иллюстрація, если она не можетъ соперничать съ поэтической фантазіей? По справедливому мнѣнію Буслаева, она уже нужна потому, что человѣческій умъ нуждается въ разумной потребности «облегчать для себя отвлеченное слово нагляднымъ изображеніемъ». Однако, не все выраженное словомъ можетъ быть наглядно изображено при помощи живописи. «Каждое искусство, говоритъ В. Май-

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

.... Тутъ же заставилъ онъ (Чичиковъ) Плюшкина написать расписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее.....

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Губ. Ц.
БИБЛИОТЕКИ

ковъ, *) имѣетъ средства, ему исключительно принадлежащія, и въ то же время — предѣлы, изъ которыхъ не выступать, чтобы не должно утратить своей силы. Есть, напримѣръ, задачи, которыя могутъ быть рѣшены только поэзіей; есть и такія, въ которыхъ поэзія является слабою соперницею живописи, уступая мѣсто этому искусству, призывая его къ дѣятельности. Какъ бы ни было хорошо литературное описаніе живописной мѣстности или живописнаго момента,—все-таки оно не болѣе, какъ превосходная программа для живописца, заданная ему такимъ же художникомъ, какъ онъ самъ, а не теоретикомъ и мыслителемъ». Садъ, описанный Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ», — «старый обширный, тянущійся позади дома садъ, выходившій на село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и засохлый», — является примѣромъ несостоятельности поэта передать то, что безъ всякаго труда, гораздо ярче и нагляднѣе, можетъ быть передано художникомъ при помощи красокъ. Примѣромъ обратнаго можетъ служить стихотвореніе Лермонтова «Три пальмы», этотъ высокій образецъ *исключительно-поэтической* картины, по выраженію Майкова. Въ самомъ дѣлѣ какъ пере-

Изъ Комическаго Иллюстр. Альманаха. „Первое апрѣля“, стр. 145-я.
Ужъ какъ во лузяхъ-лузяхъ,
Во зеленыихъ лузяхъ...

*) Сочиненія (Кіевъ, 1901 г.) т. 1-ый, стр. 157-я.

дать при помощи карандаша или кисти этотъ рядъ безпрерывно смѣняющихся картинъ движенія каравана въ пустынѣ? То, что выражено поэтомъ въ 20-30 строкахъ, потребовало бы изображенія въ десяткахъ картинъ, и все-таки впечатлѣніе отъ стихотворенія было бы полнѣе, чѣмъ отъ всей массы твореній художника.

Изъ всего сказаннаго выводъ ясенъ: художникъ-иллюстраторъ, взявшись за составленіе иллюстрацій къ какому нибудь литературному произведенію, долженъ прежде всего удачно намѣтить въ немъ тѣ моменты, которые, съ одной стороны, были бы наиболѣе характерны, а, съ другой, не теряли бы въ силѣ впечатлѣнія послѣ передачи ихъ посредствомъ кисти или карандаша. Иллюстрація должна не ослаблять, а наоборотъ усиливать впечатлѣніе отъ литературнаго произведенія. Поэтому, чѣмъ талантливѣе это произведеніе, тѣмъ талантливѣе долженъ быть и иллюстраторъ, взявшійся его иллюстрировать. Онъ долженъ быть художникомъ, тонко чувствующимъ красоты литературнаго творенія, онъ долженъ быть не меньшимъ, чѣмъ писатель, знатокомъ той среды, которыя изображены при помощи слова, и, наконецъ онъ долженъ знать психологію читателя, помощникомъ котораго онъ, несомнѣнно, является, такъ какъ иллюстрація предназначается для него и преслѣдуетъ одну цѣль—помочь ему разобраться въ томъ сложномъ чувствѣ, которое онъ получилъ при чтеніи литературнаго произведенія.

Но нужна ли иллюстрація для человѣка развитого и образованнаго? Быть можетъ, въ ней нуждается только читатель, который не въ силахъ правильно и быстро понять то, что онъ читаетъ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы равносиленъ утвержденію, что человѣку, лично испытавшему бурю на Черномъ морѣ, не можетъ нравиться картина Айвазовскаго, изображаю-

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

— *Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!*

— *Вы всегда куда нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!*

— *На, перепиши! а не то снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шестъ сутокъ не ѣвши.*

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Губ. Це
БИБЛИОТЕКИ,

щая нѣчто подобное. Читатель, даже весьма тонко чувствующій красоты литературнаго произведенія, не можетъ не прійти въ восторгъ отъ художественно исполненной иллюстраціи. Все дѣло въ степени талантливости художника и въ степени художественнаго образованія читателя. Между ними должно быть полное соотвѣтствіе. Читатель мало образованный съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть лубочныя иллюстраціи, а читатель съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ удовлетворится произведеніемъ лишь первокласснаго таланта.

Изъ журнала „Иллюстрація".
Выходъ изъ должности и входъ въ трактиръ.

Такимъ образомъ, иллюстрація никогда не потеряетъ права на существованіе, а въ одномъ отношеніи она будетъ становиться все болѣе и болѣе необходимой. Такими насущно необходимыми иллюстраціями являются рисунки къ классическимъ произведеніямъ болѣе или менѣе отдаленной отъ насъ эпохи. Жизнь въ Россіи, особенно въ 19-мъ вѣкѣ, быстро измѣнялась, и для младшихъ поко-

лѣній многое изъ того, что имѣло мѣсто лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, стало мало понятнымъ. При чтеніи литературныхъ произведеній изъ этой эпохи, иллюстрація и должна помочь читателю разобраться въ томъ, что ему не ясно. Современный читатель, конечно, никогда не видалъ ни чичиковской брички, ни бекеши Ивана Ивановича, ни нарядовъ дамы просто пріятной или пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Для такого читателя иллюстрація прямо необходима. Нужна она также и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ литературнымъ произведеніемъ на тему изъ отдаленнаго прошлаго, или изъ жизни чуждаго ему народа. Археологическія и этнографическія особенности этой жизни, будучи представлены наглядно талантливымъ и свѣдущимъ художникомъ, только усилятъ впечатлѣніе отъ литературнаго произведенія.

VII.

Удовлетворяютъ ли вышеизложеннымъ требованіямъ иллюстраціи Агина къ «Мертвымъ душамъ?» Современное ему общество, какъ мы видѣли, почти не откликнулось на предложеніе подписаться на альбомъ Бернардскаго, и изданіе не могло быть закончено. Такое равнодушіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ серединѣ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе малокультурности даже верхнихъ слоевъ нашего общества, спросъ на русскую книгу былъ еще весьма незначителенъ. Даже лучшіе журналы расходились въ количествѣ двухъ-трехъ тысячъ экземпляровъ. Серьезная научная книга почти не находила покупателя. То же самое должно было случиться и съ такимъ изданіемъ, какимъ были «Сто рисунковъ» Агина.

Неуспѣхъ этого изданія ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснять качествомъ рисунковъ, ибо, какъ мы сейчасъ

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.
— *Вона! пошла писать губернія!*

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Губ. Цен
БИБЛИОТЕКИ.

увидимъ, они высоко оцѣнивались тогдашними знатоками литературы и живописи. Изъ литературы по поводу «Ста рисунковъ» наиболѣе цѣнной является уже не разъ упо-

Изъ журнала „Иллюстрація".
Выходъ всякихъ народовъ изъ кабака (въ городѣ).

минаемая статья В. Майкова въ «Отечеств. Запискахъ», и большая библіографическая замѣтка въ «Иллюстраціи» за 1847 годъ *).

*) Томъ 4-ый, стр. 217-ая.

Эта статья есть не только критическій анализъ рисунковъ Агина, — она даетъ, кромѣ того, возможность судить и о состояніи тогдашней русской живописи, а также о тѣхъ идеалахъ, которые только что начали зарождаться въ средѣ молодыхъ русскихъ художниковъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить и нашего иллюстратора «Мертвыхъ душъ». В. Майковъ недоволенъ состояніемъ русской живописи и рѣзко осуждаетъ современныхъ ему художниковъ. «Всѣ tableaux de genre,—говорилъ онъ,—сюжеты которыхъ взяты изъ русскаго быта (впрочемъ, ихъ немного), погрѣшаютъ противъ истинности именно потому, что, дорожа больше всего эффектомъ, наши живописцы не только придаютъ лицамъ выраженіе, не свойственное русскимъ...., но и въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ портятъ дѣло желаніемъ придать яркость и блескъ натурѣ мрачной, забывая, что осмыслить и согрѣть свой рисунокъ могли бы они именно строгою передачею этихъ невыгодныхъ свойствъ избранной ими природы, разумѣя, что въ ней много тайной прелести для каждаго зрителя, потому что она, эта природа, сѣрая, матовая, отразилась въ физіономіи обитателей...

То же можно сказать о костюмахъ и другихъ аттрибутахъ нашихъ tableaux de genre. Что за чудные цвѣта, что за мягкія, отливистыя ткани на синихъ армякахъ и пунцовыхъ сарафанахъ, какія характерныя, заломленныя на бокъ шапки, какія прочныя, сверкающія орудія, какая полная, блестящая упряжь на лошадяхъ!... Удивительно богато, крайне пестро и потому самому вовсе не такъ, какъ въ дѣйствительности. Всѣ эти недостатки,—продолжаетъ Майковъ, —долженъ предусмотрѣть тотъ, кто взялся иллюстрировать «Мертвыя души», гдѣ на каждомъ шагу надо имѣть дѣло съ фигурами не причесанными, съ ладшафтомъ угрюмымъ съ декораціями оборванными, поношенными, потертыми»...

Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

....„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ.

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА
Моск. Губ. Цен
БИБЛИОТЕКИ.

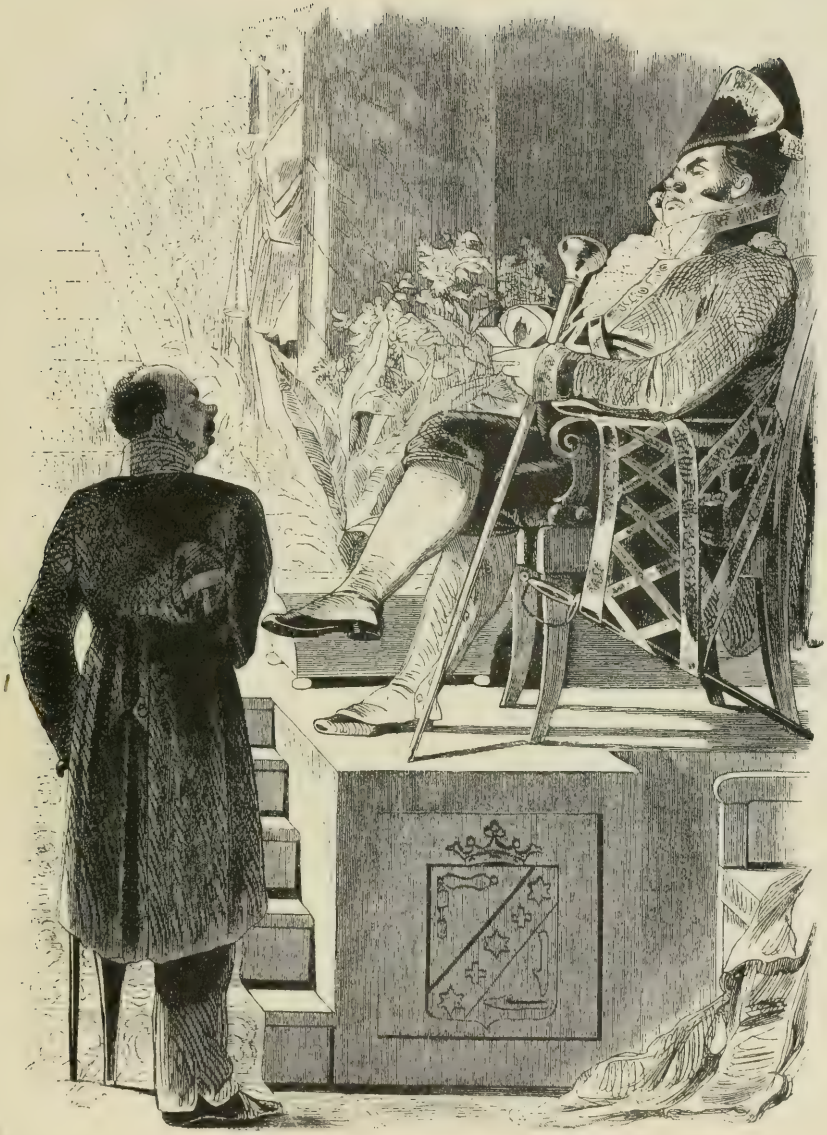
Избѣгнулъ ли нашъ художникъ тѣхъ недостатковъ, которые указаны выше? Майковъ находитъ, что избѣгнулъ. Онъ вообще относится къ Агину хорошо, считаетъ его талантливымъ художникомъ новаго (реальнаго) направленія и находитъ, что трудъ его заслуживаетъ полнаго уваженія, такъ какъ онъ «понялъ картинность описаній Гоголя, бездну красокъ, потраченныхъ на эти описанія, и всѣ достоинства его поэмы».

Изъ журнала „Иллюстрація".
Выходъ „Иллюстраціи" изъ типографіи.

Однако, В. Майковъ не всегда согласенъ съ тѣмъ трактованіемъ того или другого сюжета изъ «Мертвыхъ душъ», которое даетъ Агинъ. Прежде всего онъ недоволенъ тѣмъ, что нашъ художникъ не все время придерживался того плана, который обнаружился въ первыхъ выпускахъ. Сначала можно было предположить, что содержаніемъ рисунковъ нашего художника послужитъ все то, что въ текстѣ «Мертвыхъ душъ» особенно напраши-

вается на карандашъ живописца. Дѣйствительно, въ этихъ выпускахъ мы видимъ такія картины: въѣздъ Чичикова въ губернскій городъ; разговоръ мужиковъ о колесѣ; чиновники, играющіе въ вистъ у губернатора и т. д. Но впослѣдствіи выяснилось, что цѣль изданія—изобразить преимущественно тѣ сцены, которыя находятся въ тѣсной связи съ главною интригою поэмы, то-есть, съ покупкою мертвыхъ душъ. Майковъ сожалѣетъ, что Агинъ «оставилъ безъ воспроизведенія тѣ дивныя мѣста поэмы, въ которыхъ Гоголь явился исключительно живописцемъ, совершенно независимымъ отъ самого себя, какъ разсказчика». Такими мѣстами онъ считаетъ гоголевское сравненіе чиновниковъ на балу у губернатора съ мухами, которыя носятся надъ сахаромъ; разсказъ о двухъ бабахъ Манилова, по колѣни въ прудѣ влачащихъ за два конца изорванный бредень и перебранивающихся между собою; изображеніе сада Плюшкина, и т. д. Далѣе критикъ находитъ, что избранная программа усложняла задачу художника, такъ какъ ему нужно было нарисовать, вслѣдствіе этого, портреты (а это, по мнѣнію Майкова, особенно трудно) тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ сдѣлкѣ съ Чичиковымъ относительно мертвыхъ душъ.

Для полной оцѣнки «Ста рисунковъ», Майковъ,—сдѣлавъ нѣсколько цѣнныхъ указаній на то, что можно иллюстрировать и чего нельзя,—разбираетъ характеры героевъ поэмы Гоголя и сравниваетъ портреты Гоголя съ портретами Агина. Особенно подробно онъ останавливается на изображеніи писателемъ и художникомъ Чичикова, приводитъ цитаты изъ «Мертвыхъ душъ» и приходитъ къ заключенію, что Гоголь изобразилъ наружность Чичикова крайне не опредѣленно, напирая, главнымъ образомъ, на одну черту—на благообразіе лица. Онъ былъ



Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ".

....Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская эдакая физіономія, батистовые воротнички, какъ откормленый жирный мопсъ какой-нибудь....

Отдел искусства
им. БЕРХАРНА

«не красавецъ, но и не дурной наружности, не слишкомъ толстъ, не слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ». Такое

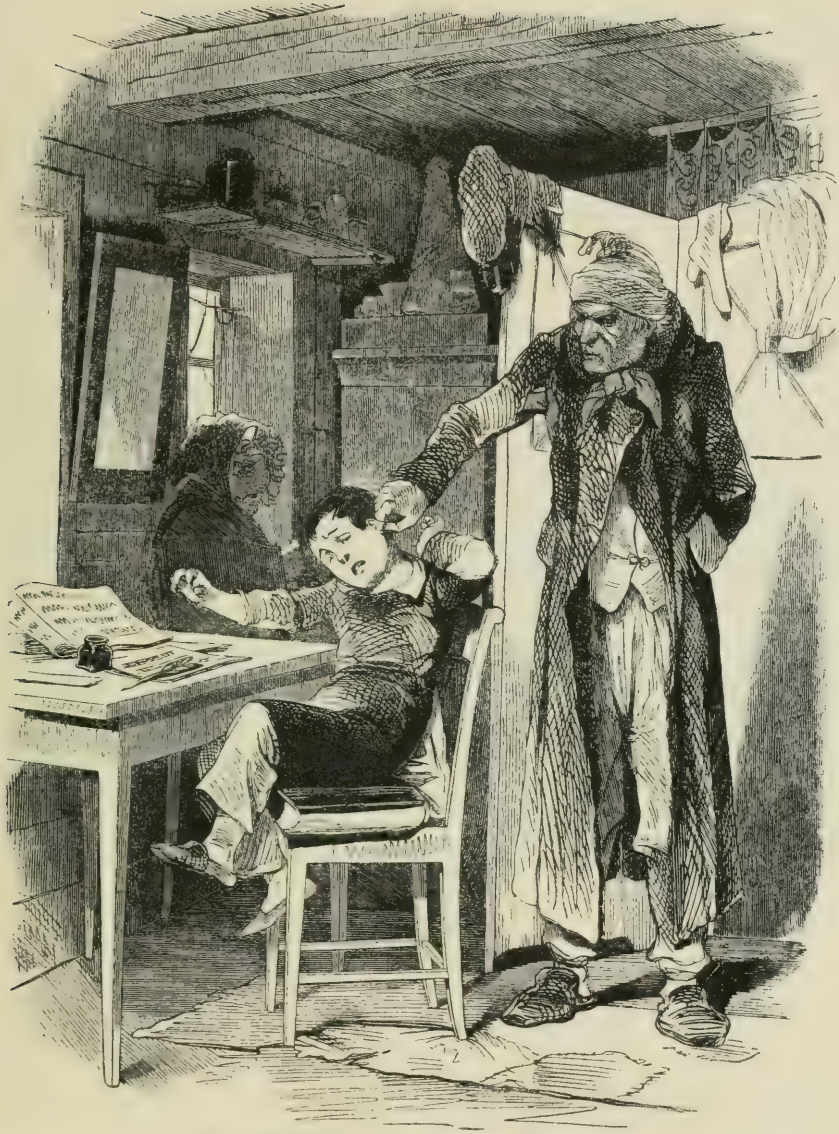
Изъ журнала „Иллюстрація".
Булочникъ, ходящій по дачамъ.

описаніе наружности давало художнику полный просторъ: онъ долженъ былъ соблюсти только одно условіе—придать лицу благообразное выраженіе. По мнѣнію Майкова,

Агинъ не вездѣ соблюдалъ это требованіе, изобразивъ на нѣкоторыхъ рисункахъ «фигуру отвратительную, неуклюжую, толстую и рѣшительно карикатурную». Такими неудачными рисунками онъ считаетъ: 1) Чичиковъ обѣдаетъ въ трактирѣ и бесѣдуетъ съ трактирнымъ слугой, 2) Чичиковъ у Манилова (три рисунка) и 3) Чичиковъ по возвращеніи съ бала. Послѣдній рисунокъ особенно ему не нравится,—«нарисованная здѣсь сцена, преисполненная невыразимо тонкаго комизма у Гоголя, рѣшительно пропала на картинѣ». На другихъ рисункахъ, по его мнѣнію, фигура Чичикова удалась гораздо лучше. Особенно ему нравится рисунокъ, изображающій сцену объясненія Чичикова съ Собакевичемъ. «Какъ хороша поза Чичикова!—восклицаетъ онъ. Какъ вѣрно понялъ художникъ, что человѣкъ твердый и въ то же время крайне благоприличный, высказывая что нибудь не совсѣмъ пріятное и чувствуя себя въ то же время совершенно правымъ, непремѣнно слегка барабанитъ пальцами или дѣлаетъ иное легкое движеніе, стараясь какъ бы разсѣяться и скрыть нѣкоторое внутреннее безпокойство, непремѣнно пробужденное споромъ и неуступкою!».

Что касается портретовъ другихъ героевъ «Мертвыхъ душъ», то Майковъ находитъ, что они почти всѣ хороши. По поводу изображенія Манилова онъ говоритъ: «г. Агинъ обладаетъ особеннымъ талантомъ вѣрно схватить тѣ малозамѣтныя положенія человѣка, которыя случается принимать каждому въ тѣ минуты, когда хочется быть въ высшей степени приличнымъ и непринужденно любезнымъ». Собакевича, по его мнѣнію, художникъ понялъ лучше другихъ героевъ «Мертвыхъ душъ».

Больше всего, однако, ему нравится портретъ Плюшкина и тѣ рисунки, на которыхъ онъ изображенъ. «Это рѣшительно лучшая часть изданія. Видно какъ-то, что художникъ съ особенною любовью взялся за это лицо,



Изъ иллюстрацій къ „Мертвымъ душамъ“.

. . . . Вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за славами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ . . . .

Отдел Искусств
им. Ветрарки
Мин.

что онъ глубоко понялъ, что такое скупость и какъ сушитъ, какъ деревянитъ она лицо человѣка.... Г. Агинъ вполнѣ выразилъ въ своихъ рисункахъ идею скупости «во всемъ ея страшномъ величіи».

Второстепенныя лица, которыя такъ важны въ «Мертвыхъ душахъ», выражены, по мнѣнію Майкова, всѣ

Изъ журнала „Иллюстрація".
Цыганское семейство. (Рис. къ „Цыганамъ" Пушкина).

равно удачно, но Селифаномъ и Петрушкой онъ не совсѣмъ доволенъ.

Заканчивая свою статью, критикъ заявляетъ, что нѣкоторые рисунки заслуживаютъ особеннаго вниманія *по сочиненію*. Къ числу ихъ онъ относитъ извѣстную сцену между Маниловымъ и женою, разговоръ Наздрева, Чичикова и Мижуева, обѣдъ у Собакевича и т. д.

Вообще надо сказать, что, не соглашаясь съ трактовкой только нѣкоторыхъ сюжетовъ, Майковъ относится къ Агину вполнѣ сочувственно. Сказавъ много лестнаго для Агина въ различныхъ мѣстахъ своей статьи, въ самомъ концѣ ея онъ выражаетъ надежду, что «сочувствіе (Агина) къ Гоголю, его наблюдательность и твердый, бойкій карандашъ подарятъ нашу публику изданіемъ, которое оставитъ по себѣ благодарную память въ кругу людей образованныхъ и живо принимающихъ къ сердцу опытъ молодого таланта, служащаго искусству для искусства».

Послѣднія слова этой фразы (признаніе Агина, «молодымъ талантомъ, служащимъ *искусству для искусства*») не совсѣмъ понятны, ибо самъ Майковъ въ своей статьѣ признавалъ практическое значеніе «Мертвыхъ душъ» и находилъ, что Агинъ своими рисунками дѣлалъ то же дѣло, что и Гоголь. Какое же это служеніе искусству для искусства? Впрочемъ, нѣтъ надобности останавливаться долго надъ тѣмъ, что хотѣлъ Майковъ сказать этими словами. Для насъ важно только то, что этотъ очень образованный критикъ, притомъ страстный поклонникъ Гоголя и сторонникъ позитивной философіи, признавалъ за рисунками Агина такое важное значеніе.

VIII.

Итакъ, по мнѣнію одного изъ талантливѣйшихъ современниковъ Агина, его рисунки къ «Мертвымъ душамъ» были въ тогдашней русской живописи (и, конечно, въ литературѣ) явленіемъ значительнымъ. Не вина художника, что его произведенія не оказали немедленно того дѣйствія, которое они могли произвести. А что это такъ, видно изъ дальнѣйшей исторіи этихъ рисунковъ Агина.

Какъ было уже сказано выше, надлежащее распространеніе, а значитъ и значеніе, они получили лишь безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ спустя. Уже въ 1892 году, когда были найдены гравюрныя доски рисунковъ, изданіе ихъ разошлось въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ. Впослѣдствіи они выходили не разъ новыми изданіями

Ноздревъ. Рис. Агина.

Ноздревъ. Рис. Пичугина.

въ массѣ экземпляровъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что всего разошлось не менѣе ста тысячъ экземпляровъ, и это въ какихъ-нибудь десять - пятнадцать лѣтъ.

Но почему же эти рисунки Агина стали такъ быстро расходиться только послѣ 1892 года? На это можно отвѣтить двоякимъ образомъ.

Прежде всего, надо имѣть въ виду, что къ этому

времени русское общество насчитывало въ своихъ рядахъ уже довольно много интеллигентныхъ людей, «которымъ были близки интересы литературы». «Мертвыя души» уже стали настольной книгой всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ произведенія Гоголя начали изучать въ школѣ, и всѣ побывавшіе въ ней были знакомы съ ними хотя бы въ отрывкахъ. Такимъ образомъ, иллюстраціи Агина къ «Мертвымъ душамъ» могли легче привлечь вниманіе общества. Между прочимъ, педагоги могли заинтересоваться ими, какъ пособіемъ для изученія гоголевской Руси, успѣвшей значительно измѣниться къ этому времени. То обстоятельство, что эти рисунки были созданы современникомъ Гоголя, притомъ поклонникомъ реализма въ живописи, увеличивало историческую ихъ цѣнность.

Но было и другое обстоятельство, способствовавшее болѣе широкому распространенію «Ста рисунковъ» или, вѣрнѣе, «Ста четырехъ рисунковъ» къ «Мертвымъ душамъ». Это гораздо болѣе низкая цѣна изданія. Выше было сказано, что первое изданіе по подпискѣ стоило 10 руб. серебромъ. На экземпляры же изданія 1892 г. (Федорова) цѣны были значительно уменьшены,—въ переплетѣ они продавались по три рубля. Впослѣдствіи эта цѣна была понижена до 2 рублей.

Итакъ, практическое значеніе этого труда Агина достигло, хотя и поздно, значительныхъ размѣровъ,—тѣхъ размѣровъ, о которыхъ не мечталъ даже Майковъ.

Однако, этимъ не ограничилось значеніе рисунковъ Агина. Они не только помогли читателю «Мертвыхъ душъ» получить наглядное представленіе о гоголевской Руси,—они дали также обильный матеріалъ и для послѣдующихъ иллюстраторовъ этого великаго произведенія Гоголя. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ

изъ нихъ,—даже наиболѣе талантливый Боклевскій,—не избѣгнулъ вліянія Агина. Онъ задалъ своими иллюстраціями тонъ, онъ конкретизировалъ идеи Гоголя и тѣмъ облегчилъ задачу художниковъ, работавшихъ послѣ него.

Агина слѣдуетъ считать піонеромъ, если тамъ можно выразиться, въ дѣлѣ иллюстрированія произведеній Гоголя, ибо нельзя же принимать въ серіозъ единственный ранѣе вышедшій рисунокъ нѣкоего Самойлова, изображающій послѣднюю сцену изъ «Ревизора» и помѣщенный въ «Репертуарѣ» за 1840 годъ. До 1858 года, т. е. до появленія литографій Боклевскаго, изданныхъ въ альбомѣ подъ заглавіемъ «Галлерея Гоголевскихъ типовъ. Ревизоръ», русское общество вообще не имѣло другихъ иллюстрацій къ произведеніямъ Гоголя кромѣ тѣхъ, что далъ Агинъ.

Изъ собр. соч. Гоголя, изд. Панафидинымъ.
Плюшкинъ въ изобр. худ. Брожа.
(Сравн. съ рис. Агина на стр. 47-й).

Въ книгѣ о Боклевскомъ*) нами было указано, что

*) Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Москва, 1910 г., стр. 69—73.

Собакевичъ и Плюшкинъ этого художника и Агина носятъ черты несомнѣннаго сходства. Возможно, что и другіе портреты Агина, конкретизированные сообразно указаніямъ В. Майкова, повліяли на гоголевскіе типы, воспроизведенные Боклевскимъ.

Эти два художника—Агинъ и Боклевскій—и создали протопины почти всѣхъ дальнѣйшихъ иллюстрацій къ произведеніямъ Гоголя. Новые иллюстраторы «Мертвыхъ душъ» копировали или варьировали то Агина, то Боклевскаго, а такъ какъ Агинъ не иллюстрировалъ другихъ произведеній Гоголя, то они вынуждены были всецѣло черпать вдохновеніе и знаніе тогдашней обстановки изъ иллюстрацій Боклевскаго.

Въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ только «послѣдователи» Агина. Кто же изъ художниковъ заимствовалъ у него?

Послѣ иллюстрацій Боклевскаго къ «Мертвымъ душамъ», появившихся впервые въ 1875 году *), это произведеніе Гоголя было вновь иллюстрировано лишь много лѣтъ спустя, когда его сочиненія стали общимъ достояніемъ. Въ 1902 году, вслѣдствіе этого, вышелъ цѣлый рядъ собраній сочиненій Гоголя. Нѣкоторыя изъ нихъ были иллюстрированы «оригинальными» рисунками, т.-е. такими, которые, по словамъ издателей, исполнены художниками спеціально для ихъ изданій. Однако, эта «оригинальность» весьма относительна. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что оригинальное, въ большинствѣ случаевъ не художественно, не согласно съ дѣйствительностью, а то, что художественно—заимствовано у Агина или Боклевскаго. Такъ, напримѣръ, въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя, изданномъ Вольфомъ подъ редакціей

---

*) „Пчела", 1875 г.

П. В. Быкова и иллюстрированномъ В. А. Табуринымъ, типъ Плюшкина заимствованъ *) цѣликомъ у Агина. Въ полномъ собраніи, изданномъ Т-мъ Сытина подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, типъ Ноздрева взятъ художникомъ Пичугинымъ — у него же, и т. д. Вышедшее въ 1909 году роскошное изданіе «Мертвыхъ душъ» (Маркса), съ иллюстраціями М. М. Далькевича тоже мало оригинально. Кое что заимствовано у Боклевскаго (Ноздревъ), а типы Собакевича и Плюшкина списаны съ оригиналовъ Агина. Замѣчательно, что Плюшкинъ, Собакевичъ и Ноздревъ никѣмъ изъ художниковъ, иллюстрировавшихъ «Мертвыя души» послѣ Агина и Боклевскаго, не изображены оригинально, — хоть что-нибудь, но непремѣнно

Изъ собр. соч. Гоголя, изд. т-вомъ М. Вольфа.
Плюшкинъ въ изображеніи Табурина.
(Сравн. съ рис. Агина на стр. 47-й).

*) Сравн. рис. къ стр. 456-й.

заимствовано у этихъ иллюстраторовъ. Но гдѣ превзойдена всякая мѣра «заимствованія», такъ это въ изданіи сочиненій Гоголя Панафидина *), гдѣ, по словамъ издателя, помѣщено «двѣсти сорокъ *оригинальныхъ* рисунковъ иллюстраторовъ: К. О. Брожа, А. А. Чикина, М. Т. Михайлова и др.» Тутъ что ни рисунокъ, то копія или заимствованіе съ того или иного оригинала Агина. Особенно близокъ къ первоисточнику г. Брожъ...

IX.

Закончивъ свой трудъ иллюстрированія «Мертвыхъ душъ», Агинъ посвятилъ себя всецѣло спѣшной работѣ въ періодическомъ изданіи. Эта спѣшность сказалась на качествѣ рисунковъ. Въ нихъ все еще виденъ талантъ, но совсѣмъ исчезла тонкость рисунка и продуманность темы.

Агинъ въ качествѣ сотрудника «Иллюстраціи» особенную энергію проявилъ въ 1847 году, хотя началъ сотрудничать въ этомъ журналѣ еще въ 1846 году. Въ настоящее время трудно установить, какія анонимныя иллюстраціи принадлежатъ этому художнику. Многія изъ нихъ по манерѣ и техническимъ пріемамъ напоминаютъ рисунки Агина съ его подписью. Такъ, напримѣръ, принадлежатъ ему, вѣроятно, рисунки, изображающіе различную манеру танцовать польку **), типы различныхъ народностей, многія комическія картинки и т. д.

Изъ рисунковъ, имѣющихъ подпись Агина, интересны 4 ***), изображающіе петербургскіе народные типы: булочника, гудочника, продавца мышеловокъ и народнаго «вокансона» (пѣвца). Рисунки эти плохо гравированы и

*) Москва, 1902 г.

**) „Иллюстрація", 1847 г., т. IV, стр. 93-я.

***) Тамъ же, стр. 297-я.

плохо отпечатаны, но все же довольно интересны. Гораздо лучше выполнены рисунки подъ общимъ заглавіемъ *) «Субботніе входы и выходы въ С. П. Бургѣ». Такихъ рисунковъ съ фамиліей Агина тоже четыре: 1) Выходъ хозяевъ и сидѣльцевъ изъ лавокъ, 2) Выходъ изъ должности и входъ въ трактиръ, 3) Выходъ всякихъ народовъ изъ кабака и 4) Выходъ «Иллюстраціи» изъ типографіи. Въ томъ же журналѣ за 1848 годъ Агинъ помѣстилъ еще рисунки: «Мининъ и Пожарскій» (стр. 85-я) и иллюстрацію къ стихотворенію Пушкина «Гусаръ» (стр. 285-я). Въ этомъ же году «Иллюстрація» прекратилась, а вмѣстѣ съ нею и художественная дѣятельность Агина. Если его имя и появляется впослѣдствіи подъ рисунками въ изданіяхъ, вышедшихъ послѣ 1848 года, то это были перепечатки его прежнихъ произведеній. Новыхъ рисунковъ съ именемъ Агина больше не появлялось.

„Мертвыя души", изд. Маркса.
Плюшкинъ въ изобр. худ. Далькевича.

*) Тамъ же, стр. 313 и 329-я.

X.

Подъ какими же вліяніями развивался несомнѣнно богатый отъ природы талантъ Агина?

Поступивъ въ Академію въ 1834 году шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ сразу попалъ въ среду профессоровъ-художниковъ, которые въ живописи выше всего ставили рисунокъ. Они сами были убѣждены и требовали того же отъ своихъ учениковъ, что художникъ долженъ быть прежде всего хорошимъ рисовальщикомъ. Правильный, тщательно выписанный рисунокъ, по распространенному тогда мнѣнію, былъ признакомъ и талантливости и образованности художника. Если въ наше время красочность считается въ живописи главнымъ качествомъ, то во времени Агина такимъ качествомъ считался хорошій рисунокъ. Такой взглядъ на живопись былъ распространенъ не только у насъ, но и на Западѣ.

Наши художники, получившіе образованіе сначала у себя дома, большей частью, подъ вліяніемъ профессоровъ-иностранцевъ, а потомъ закончившіе его за границей, твердо усвоили этотъ взглядъ на живопись. Агинъ никогда не былъ за границей, но зато онъ имѣлъ главнымъ своимъ руководителемъ К. П. Брюллова, который оказалъ на него огромное вліяніе. Какъ хорошія, такъ и дурныя стороны таланта знаменитаго творца «Послѣдняго дня Помпеи» сказались на Агинѣ, особенно въ первую эпоху, которая, по нашему мнѣнію, заканчивается выпускомъ рисунковъ къ «Ветхому Завѣту». Извѣстно, что особенно дурная сторона творчества Брюллова заключалась въ отсутствіи исторической вѣрности изображаемаго сюжета, въ неумѣніи придавать изображаемымъ типамъ ихъ національныя особенности, въ нежеланіи считаться съ гео-

графическими и климатическими условіями. Не меньшимъ его недостаткомъ слѣдуетъ считать извѣстную холодность и неодухотворенность его картинъ. Зато въ своихъ достоинствахъ онъ не имѣлъ соперниковъ: никто не могъ сравниться съ нимъ въ совершенствѣ рисунка, въ умѣніи дать эфектное освѣщеніе и придать почти скульптурную выпуклость изображаемымъ фигурамъ.

Изъ иллюстр. къ „Мерт. душамъ"
худ. Далькевича. (Сравн. съ рис. на стр. 71-й).

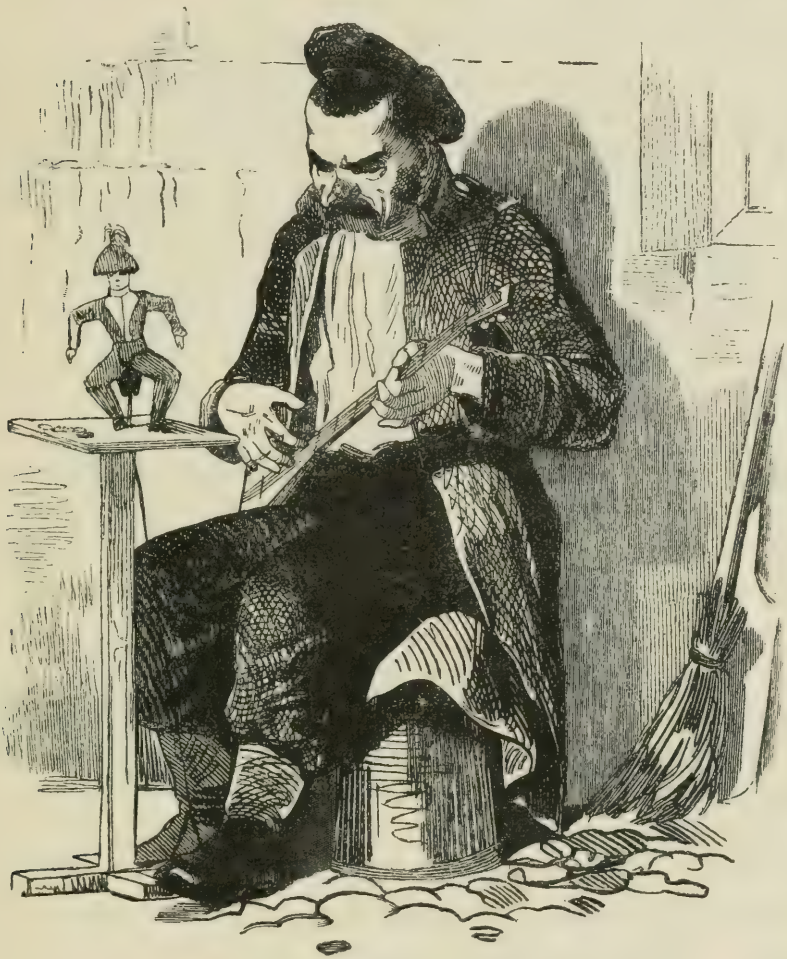
По словамъ близко знавшаго его скульптора и художественнаго критика Рамазанова, онъ «противорѣчій не любилъ и, въ случаѣ упорства со стороны молодого художника за свою идею, легко переходилъ къ худо скрываемому гнѣву и ѣдкимъ насмѣшкамъ». Если вспомнимъ, что Брюлловъ пользовался огромнымъ престижемъ среди художниковъ, то намъ станетъ ясно, что Агинъ-юноша неминуемо долженъ былъ подчиниться вліянію общепризнаннаго, по мнѣнію тогдашняго общества, геніальнаго художника. Онъ долженъ былъ, помимо своей воли, усвоить выше упомянутыя какъ хорошія, такъ и дурныя стороны.

Но, – какъ правильно указалъ Стасовъ *), – «никто не заразился отъ Брюллова привычкой забывать, что истинная и здоровая мысль необходима каждому произведенію, хотя бы самому малому; никто не перенялъ его манеры обманывать шаткій и невѣрный вкусъ публики причудливостью содержанія, соединенною съ ловкостью и блескомъ исполненія». Агинъ, какъ только избавился отъ непосредственнаго вліянія Брюллова, тоже пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который такъ настоятельно указывалъ ему его учитель. На Агинѣ должно было неминуемо сказаться новое вѣяніе, которое уже сказывалось у насъ пока еще только въ литературѣ, а на Западѣ уже охватило всѣ виды искусства. Реализмъ – таково было названіе этого вѣянія. Агинъ, какъ художникъ чуткій, долженъ былъ, сознательно или безсознательно, подчиниться новому направленію и тѣмъ самымъ освободиться, хотя бы въ извѣстной степени, отъ дурныхъ сторонъ вліянія Брюллова.

Вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ, Агинъ какъ началъ, такъ и продолжалъ свою художественную дѣятельность въ качествѣ иллюстратора. Едва онъ закончилъ иллюстрированіе «Ветхаго Завѣта», какъ обратился къ иллюстрированію «Мертвыхъ душъ», – произведенія, съ точки зрѣнія того времени, ультра-реалистическаго. Составляя рисунокъ на опредѣленную тему изъ русской дѣйствительности, художникъ невольно долженъ былъ въ изображеніи людей, природы, обстановки и т. д. придерживаться тѣхъ указаній, котырыя давались писателемъ-реалистомъ въ его произведеніи. Въ результатѣ – художникъ незамѣтно для самого себя становился такимъ же реалистомъ, какимъ былъ его вдохновитель-писатель.

*) Собраніе сочиненій, т. III, стр. 49-я.

Однако, та большая разница, которая сказалась между рисунками Агина къ «Ветхому Завѣту» и къ «Мертвымъ



Изъ журнала „Иллюстрація".

Народный „вокансонъ".

душамъ», не ограничивается только перемѣной направленія. Въ не меньшей степени она сказалась и въ манерѣ художника трактовать сюжеты. Если рисунки Агина къ

«Ветхому Завѣту» имѣютъ много общаго и въ художественномъ направленіи и въ художественной манерѣ съ рисунками Брюллова на подобныя темы, то его рисунки къ «Мертвымъ душамъ» не имѣютъ ничего общаго съ tableaux de genre, какъ тогда выражались, творца «Послѣдняго дня Помпеи». Откуда же могла появиться у Агина эта новая манера? Намъ кажется, что она заимствована имъ непосредственно у французскихъ художниковъ. Это нетрудно было сдѣлать, такъ какъ нашъ книжный рынокъ былъ наводненъ французскими иллюстрированными журналами, иллюстрированной книгой и особенно иллюстрированными альманахами, которые были въ такой модѣ на Западѣ и особенно во Франціи.

Справедливость нашего мнѣнія подтверждается прямымъ указаніемъ въ предисловіи къ альманаху Некрасова «Физіологія Петербурга». «Во Франціи, — говорится въ этомъ предисловіи, написанномъ, по мнѣнію П. Н. Сакулина, Бѣлинскимъ, — обо всякомъ уголкѣ ея, сколько-нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательномъ, не одна книга написана, а сочиненія о Парижѣ образуютъ собою большую отдѣльную литературу. Кому не извѣстна «Книга Ста-Одного», которая соединила въ себѣ труды едва ли не всѣхъ и великихъ, и среднихъ, и малыхъ французскихъ писателей, и будучи сборникомъ множества статей въ формѣ повѣстей, разсказовъ и юмористическихъ очерковъ по своему содержанію, была посвящена изображенію и характеристикѣ Парижа. Недавно вышелъ великолѣпно изданный кипсекъ, текстъ котораго подъ названіемъ «Un Eté à Paris«, составленъ Жюль-Жаненомъ; и вотъ теперь выходитъ въ Парижѣ иллюстрированное изданіе «Le Diable à Paris», опять посвященное изображенію того же самого Парижа. Трудно было бы перечесть всѣ такія изданія, безпрестанно выходящія во Франціи. Изданіе:

«Les Francais peints par eux-mêmes» посвящена изображенію общественныхъ нравовъ Французовъ вообще». Высказавъ нѣсколько мыслей о необходимости подобныхъ

Изъ журнала „Иллюстрація".

Выходъ хозяевъ и сидѣльцевъ изъ лавокъ.

изданій и въ Россіи, составитель предисловія далѣе говоритъ: «за неимѣніемъ лучшаго благосклонному вниманію публики предлагается въ этой книгѣ опытъ характеристики Петербурга, нѣсколько очерковъ его внутреннихъ особен-

ностей... Что касается лично до составителей этой книги, — они совершенно чужды всякихъ притязаній на поэтическій или художественный талантъ, цѣль ихъ была самая скромная — составить книгу въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто появляются во французской литературѣ и, занявъ на время вниманіе публики, уступаютъ мѣсто новымъ книгамъ въ томъ же родѣ».

Вторая четверть 19-го столѣтія дала Западу подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій цѣлый рядъ блестящихъ рисовальщиковъ, которые при помощи пера и карандаша дали вѣрное и подробное изображеніе своей эпохи. Высокое развитіе гравировальнаго искусства и изобрѣтеніе литографіи вызвали особый спросъ на художниковъ-рисовальщиковъ. Появленіе цѣлой массы иллюстрированныхъ журналовъ и книгъ дало заработокъ художникамъ, и спеціальныя художественныя учебныя заведенія всѣхъ странъ стали переполняться учениками, которые готовили себя къ этой индустріальной области живописи. Но нигдѣ не стоялъ такъ высоко этотъ родъ искусства, какъ во Франціи. Имъ не брезгали даже выдающіеся художественные таланты.

Извѣстно, что французская книга и французскіе журналы были излюбленнымъ чтеніемъ нашего интеллигентнаго общества не только до Отечественной войны, но и послѣ нея. Стоитъ только заглянуть въ любую библіотеку того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ. Несомнѣнно, что это обстоятельство много способствовало проявленію у нашихъ книгоиздателей желанія издавать и русскія книги съ иллюстраціями по образцу французскихъ. Впрочемъ, безотносительно къ этому обстоятельству, наши художники-иллюстраторы и безъ всякаго давленія со стороны издателей стали подражать французскимъ собратіямъ, такъ какъ работы этихъ послѣднихъ, съ точки зрѣнія тогдашняго искусства, были образцовыми.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что не только упомянутый выше альманахъ, но и альманахъ «Первое апрѣля» (1846 г.), «Иллюстрированный альманахъ» (1848 г.) и «Литературный сборникъ» (1849 г.), т. е. тѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, Агинъ принималъ близкое участіе, находятся въ болѣе или менѣе близкомъ

Изъ журнала „Иллюстрація".
Рисун. къ стих. Пушкина „Гусаръ".

идейномъ родствѣ съ французскими альманахами. Иногда даже рисунки заимствуются изъ французскихъ оригиналовъ, но безъ всякаго указанія на первоисточникъ. Еще большую связь можно установить между упомянутыми французскими изданіями и журналомъ «Иллюстрація», который открылъ свои страницы для работъ тогдашнихъ художниковъ Журналъ этотъ началъ выходить съ 1845 г.,

причемъ за образецъ было взято, главнымъ образомъ, изданіе «Les Francais peints par eux-mêmes». Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ иллюстраторы давали въ картинкахъ изображенія народныхъ типовъ и народныхъ сценокъ, помѣщали сатирическія картинки, копіи съ произведеній искусства и т. д. Изъ французскихъ изданій наши художники брали цѣликомъ чаще всего рисунки знаменитаго Гаварни, которому подражали почти всѣ тогдашніе русскіе рисовальщики. Стоитъ только сравнить рисунки, помѣщенные въ «Иллюстраціи» и альманахахъ, съ рисунками Гаварни, и сейчасъ станетъ ясно, что между ними существуетъ тѣсная связь. Иногда бывало такъ, что брали рисунокъ Гаварни и ставили его въ качествѣ иллюстраціи къ тому или иному литературному произведенію. Къ разсказу Гребенки, напримѣръ, подъ заглавіемъ «Заборовъ», среди иллюстрацій Агина помѣщенъ, безъ указанія источника на стр. 111-ой, рисунокъ Гаварни изъ книги «Le diable à Paris», вышедшей въ 1845 году*). И это случай не единственный. Очевидно, русскіе художники очень увлекались рисунками этого выдающагося французскаго рисовальщика.

Вліяніе этого блестящаго французскаго художника на русскихъ рисовальщиковъ (Агина, Ковригина, Жуковскаго, Тимма и мн. другихъ) еще совсѣмъ не обслѣдовано, а между тѣмъ оно было огромно. Одинъ изъ первыхъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ — «Иллюстрація» — былъ подражаніемъ французскому журналу «Charivari», въ которомъ самое дѣятельное участіе принималъ Гаварни. Этотъ художникъ былъ у насъ мѣриломъ талантливости художника-рисовальщика. Рамазановъ раз-

*) См. рисунки послѣ стр. 228.

сказываетъ *), что когда цѣлое общество художниковъ разсматривало рисунокъ Боклевскаго, изображающій Харосанову, одну изъ героинь Гоголя, то зрители, желая высказать художнику свой восторгъ, говорили: «отъ такого рисунка не отказался бы и самъ Карлъ Брюлловъ. А отъ всѣхъ вмѣстѣ не отказался бы и Гаварни».

Вопросъ о томъ, былъ ли интересующій насъ художникъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гаварни, рѣшается утвердительно. Стоитъ только сравнить рисунки того и другого, чтобы признать общность манеры, техники, а въ иныхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ даже сходство лицъ.

Умаляетъ ли это значеніе Агина, какъ художника самостоятельнаго, оригинальнаго? Отнюдь нѣтъ, ибо разработка сюжетовъ, ихъ внутреннее толкованіе у него свое, собственное. Въ данномъ случаѣ нашего художника можно сравнивать съ Пушкинымъ, какъ авторомъ «Капитанской дочки». Всѣ знаютъ, что въ этомъ произведеніи на нашего великаго писателя вліялъ Вальтеръ Скоттъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ признаютъ, что «Капитанская дочка» — это одно изъ его оригинальнѣйшихъ по разработкѣ произведеній.

Талантъ Агина складывался подъ вліяніемъ двухъ факторовъ,— русской академической живописи того времени вообще и Брюллова въ частности, а затѣмъ подъ вліяніемъ французскихъ рисовальщиковъ, въ частности наиболѣе талантливаго изъ нихъ, Гаварни. Его блестящія иллюстраціи къ «Мертвымъ душамъ» свидѣтельствуютъ о большомъ талантѣ, объ его знаніи тогдашней Россіи, о тонкомъ пониманіи великаго произведенія Гоголя и о рѣдкомъ дарѣ композиціи. Лучшіе свои работы онъ закончилъ въ возрастѣ тридцати лѣтъ, и, несомнѣнно, его

*) „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи", стр. 278-я.

талантъ еще болѣе развился бы, если бы онъ продолжалъ свою дѣятельность. Къ несчастью, онъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, прекратилъ дѣятельность иллюстратора, промѣнявъ ее на должность учителя рисованія въ кадетскомъ корпусѣ.

Такъ закончилась дѣятельность одного изъ наиболѣе талантливыхъ художниковъ, толкователей литературныхъ произведеній. Недолго онъ трудился на избранномъ имъ поприщѣ, но имя его, связанное съ именемъ Гоголя, никогда не будетъ забыто. Наоборотъ, со временемъ къ его иллюстраціямъ будутъ прибѣгать еще больше, чѣмъ теперь, ибо безъ нихъ уже многое будетъ непонятно изъ того, что изображено въ «Мертвыхъ душахъ». Талантливые рисунки Агина помогутъ читателю понять надлежащимъ образомъ Гоголевскую Русь.

БИБЛІОТЕКА
Современной литературы

Отдел Искусства
им. ВЕРХАРНА.
Моск. Губ. Центр
библиотека

Библиотека
им.
ВЕРХАРНА

h-402(1)

Пигмосмр

NC 269 A38K8 1913
Kuz'minskii, Konstantin Stanislavovich
Khudoznik-illiustrator A.A. Agin

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 13 18 06 011 7